

ДРЕВНІЙ БУЛГАРЪ

И

ТАТАРСКІЯ О НЕМЪ ПРЕДАНІЯ.

I.

Въ концѣ іюля 1887 го года я совершилъ поѣздки въ историческое село Болгары, знаменитое по существующимъ въ немъ развалинамъ древней столицы Волжскихъ Булгаръ.

Было прекрасное утро въ понедѣльникъ 27-го іюля,—день, въ который я отплылъ отъ казанской пристани на самолетскомъ пароходѣ „Императрица“. Я пустился въ путь одинъ, полный нетерпѣнія увидѣть, впервые въ своей жизни, знаменитыя руины, надъ которыми пронеслось уже шесть съ половиною вѣковъ... Мысленно я уносился въ тѣ далекіе вѣка, когда на берегахъ, мимо которыхъ проходилъ нашъ пароходъ, вмѣсто креста—виднѣлся мусульманскій полумѣсяцъ, когда здѣсь почти не слышно было славянской рѣчи, когда по этимъ волнамъ неслись, какъ лебеди, только небольшія парусныя суда, нагруженныя всякимъ восточнымъ товаромъ,—неслись подъ вѣчнымъ стра-



хомъ внезапнаго нападенія отважнаго ушкуйника.

Пароходъ быстро уносилъ насъ внизъ по теченію рѣки, держась высокаго нагорнаго берега, на которомъ тамъ и сямъ красиво рисовались сельскія церкви, окруженныя рощами, своей бѣлизной далеко не гармонирующія съ сѣрыми, беспорядочно разбросанными, крестьянскими избами. Черезъ три часа плаванія «Императрица» сдѣлала на рѣкѣ большой оборотъ, причаливъ къ Богородской пристани. Прошло какихъ-нибудь пять минутъ—и мы уже снова несемся внизъ по Волгѣ, постепенно поворачивая на юго-востокъ.

Вотъ и устье многоводной, но угрюмой Камы, составляющей рѣзкій контрастъ съ полною жизни и кипучей дѣятельности Волгою. Теперь трудно было сказать, по какой водѣ—волжской или камской плывемъ мы: такъ широка дѣлается вдругъ Волга, принявъ въ себя огромную массу уральскихъ водъ! Любо смотрѣть на это широкое раздолье рѣки, плавно несущей свои воды среди золотистыхъ нивъ, по мѣрѣ удаленія къ югу все больше и больше разступающихся предъ могучею царицею русскихъ рѣкъ, на волнахъ которой видишь столько жизни и движенія... Подъ обаяніемъ этой чудной, полной поэзіи, картины,—которую намъ, жителямъ далекаго и пустыннаго сѣвера, приходится

видѣть рѣдко,—я уже забылъ на время и старый мусульманскій міръ, весь отдавшись современному, національно-русскому, зрѣлищу.

Но скоро пароходный свистокъ прервалъ мое наслажденіе: «Императрица» дѣлала уже свой обычный оборотъ по рѣкѣ и скоро причалила къ «Березовой Гривѣ»,—пристани города Спасска, именуемой иначе „Спасскимъ затономъ“. Здѣсь, послѣ 4¹/₂ часовъ самаго пріятнаго плаванія—мнѣ пришлось снова вступить на сушу.

Простившись съ ѣхавшими изъ Нижняго и случайно встрѣченными на пароходѣ двумя добрыми спутниками, изъ которыхъ одинъ былъ мой старый университетскій товарищъ, а другой—юный ученикъ, я остался одинъ, среди скучившихся на берегу спасскихъ ямщиковъ. Подрядивъ одного изъ нихъ, я сѣлъ въ плетенку и поѣхалъ, по луговому берегу Волги, къ цѣли моего путешествія. Ёхать предстояло верстъ десять,—а нетерпѣніе мое возрастало съ каждой минутой. Ямщикъ оказался словоохотливымъ малымъ, неумолчно болтавшимъ всю дорогу. Въ теченіи часа онъ познакомилъ меня, какъ умѣлъ, и съ болгарскими достопримѣчательностями, и со спасскими «господами», и съ своимъ домашнимъ хозяйствомъ, и со зломъ, проистекающимъ отъ булака и кабака, хотя самъ, какъ оказалось,